

Они достали повозку и попрощались с супругами Хань. Линь Юньшэнь приподнял занавеску, чтобы взглянуть на Хань Циньчуаня, но заметил, что кто-то преградил путь повозке семьи Хань. Этим человеком оказался не кто иной, как Лу Юаньхэ, и, судя по всему, он направлялся именно к ним. Линь Юньшэнь холодно наблюдал за происходящим, в его глазах на мгновение мелькнула свирепость, но она тут же исчезла. Он опустил занавеску, подумав, что лучше бы Лу Юаньхэ их не заметил. В семье Хань был Хань Циньчуань, к тому же они уже покинули то место, поэтому он полагал, что Лу Юаньхэ не сможет им навредить, разве что немного побеспокоить.

Бай Сянь управлял повозкой впереди, а напротив него в повозке сидел Бай Инь и спросил:

— Кто это?

— Лу Юаньхэ, — ответил Линь Юньшэнь, склонив голову набок и задумавшись. — Знаешь, странно всё это. В прошлый раз, когда я слышал его речь, этот Лу Юаньхэ, оказывается, так сильно обо мне печется. Из-за меня он даже вступил в конфликт с тобой и Циньчуанем. Но я помню, что раньше он всегда любил издеваться надо мной, даже Циньчуань говорил, что мы заклятые враги. Он должен был меня ненавидеть, я считал его своим недругом, а он, оказывается, считал меня близким другом. Разве это не странно?

Бай Инь в голосе прозвучала доля язвительности:

— Что тут странного? Ты бесчувственный, это уже не один день.

Линь Юньшэнь замер, поднял глаза на Бай Иня, но тот уже закрыл глаза, отдыхая.

Этот Бай Инь по-прежнему не одобрял его безумное поведение. Неужели он всё еще так безумен? Линь Юньшэнь чувствовал, что стал гораздо сдержаннее.

Затем он вышел из повозки и сел впереди рядом с Бай Сянем. К счастью, день был пасмурный, солнце то появлялось, то исчезало, и было не жарко. Линь Юньшэнь полулежал, закинув одну ногу на другую, и начал напевать.

Бай Сянь внимательно прислушался и покраснел.

Линь Юньшэнь пел:

*

Сестрица глазами блестит,

В кузнице нет никого, кто бы держал клещи.

Пусть молодой парень крут, как сталь,

В моей печи станет мягким, как хлопок.

*

Бай Сянь покраснел еще гуще. Хотя песня была исполнена на диалекте, он понимал, что речь шла о супружеских утехах. Он заикаясь произнес:

— Дядя Ян, как ты можешь...

Линь Юньшэнь спросил:

— Что случилось?

— Ты поешь о чем...

— Твой дядя может слушать, а ты нет?

— Не говори глупостей, мой дядя...

Он не успел закончить, как из-за занавески протянулась рука, схватила Линь Юньшэня за талию и втянула внутрь. Бай Сянь услышал, как Линь Юньшэнь отчаянно сопротивлялся, но в конце концов успокоился и вздохнул:

— Вы, дядя и племянник, просто одинаковые, даже петь не даете.

— Лежи, отдыхай, — сказал Бай Инь.

Бай Сянь причмокнул, услышав, что сзади постепенно стихло, и, обернувшись, приподнял край занавески, чтобы украдкой взглянуть. Он увидел, что Линь Юньшэнь уже лежит с закрытыми глазами, а затем поднял взгляд и замер.

Он увидел, что его обычно молчаливый дядя с улыбкой смотрит на его дядю Яна. Улыбка была тепла, как весеннее солнце, и за все эти годы он видел ее впервые. Она казалась такой яркой и теплой, превосходящей весенний ветер и цветы на десятки ли пути.

Бай Сянь засмотрелся, забыв о дороге, когда вдруг повозку сильно потрянуло, заставив его вздрогнуть и посмотреть вперед. На дороге лежало упавшее дерево, преграждая половину пути. Он быстро свернул на другую сторону, но не успел спросить, все ли в порядке внутри, как услышал сильный кашель Линь Юньшэня.

— Дядя... дядя Ян, с тобой всё в порядке?

Он в панике откинул занавеску и заглянул внутрь. Линь Юньшэнь, кашляя, махнул рукой:

— Просто испугался, ничего страшного.

Сказав это, он снова закашлялся, и в уголке его рта можно было разглядеть следы крови, что вызывало тревогу. Бай Инь дал ему проглотить Золотую пилюлю и поднес воды. Линь Юньшэнь чувствовал, как болит всё внутри, но, не желая их беспокоить, сдержался и сказал:

— Бай Инь, дай мне немного прилечь.

Бай Инь обнял его. Линь Юньшэнь почувствовал легкий аромат, исходящий от Бай Иня. Этот запах, казалось, сопровождал его с детства. Неужели это был естественный запах тела? Он улыбнулся этой мысли, кашляя и смеясь одновременно. Бай Инь гладил его по спине и сказал:

— Чему ты улыбаешься?

Линь Юньшэнь подумал: «Я размышляю. Кто бы мог подумать, что Бай Инь, который раньше избегал меня, боясь связаться, теперь позволяет мне прилечь и стал таким заботливым».

Он полежал немного, аромат Бай Иня завораживал его, и постепенно он расслабился. Он вспомнил кое-что из прошлого и слабым голосом спросил:

— Мне всегда было интересно, почему ты с самого начала заподозрил меня?

Бай Инь ответил:

— Кто, кроме Линь Юньшэня, осмелился бы меня дразнить?

— Только поэтому?

Бай Инь задумался и произнес:

— Внешность тоже подходила. Не любишь заплетать волосы или носить головные уборы, волосы просто связаны или распущены, одежда свободная, неприличная.

Линь Юньшэнь, услышав это, «цокнул» языком и вздохнул:

— Действительно, горы и реки могут измениться, но природа человека остается прежней.

Эти слова относились как к нему, так и к Бай Иню. Некоторые вещи постоянно меняются, а другие остаются неизменными на протяжении десятилетий.

Тринадцать лет назад.

В Ляньпу, на берегу реки Цзян, в Чжэнцинтане, где жил Бай Инь, росла старая груша, возраст которой никто не знал. Когда Линь Юньшэнь приехал, она была в полном цвету, белые цветы контрастировали с черной черепицей, создавая невероятно красивую картину. Это было любимое дерево Линь Юньшэня.

Он сидел на дереве, сплетя шапку из молодых веток груши и надев ее на голову. Бай Инь вышел из дома, посмотрел вверх и произнес:

— Вернись обратно, приведи себя в порядок и выходи.

Линь Юньшэнь взглянул вниз, увидел Бай Иня и рассмеялся. Подогнув одну ногу, он лениво сказал:

— Так прохладнее.

— Сколько тебе лет? Ходить босиком с распущенными волосами — что подумают люди?

Линь Юньшэня, которого Бай Инь привел в Чжэнцинтан, эти слова уже утомили за последние дни, и он не обращал на них внимания. Он подтянул цветочную шапку, его черные волосы свободно спадали на спину, белая одежда слегка развевалась на ветру, почти сливаясь с белыми цветами груши, что делало его облик андрогинным. Губы Бай Иня шевельнулись, словно он хотел сделать замечание, но он сдержался и повернулся, чтобы вернуться в дом. Вдруг он услышал, как Линь Юньшэнь тихо напевает.

Он остановился, прислушался, и его лицо постепенно покраснело, выражая недоверие. Он резко поднял голову и посмотрел на Линь Юньшэня.

Линь Юньшэнь, не подозревая об этом, продолжал напевать:

*

Парень Ци, девица Ци,

Служанка тоже Ци.

Девушка из семьи Ци выходит замуж в семью Ци,

Ночью переворачиваются, пупок к пупку.

*

Бай Инь большими шагами подошел к дереву и ударил по стволу ногой:

— Слезай!

Удар был достаточно сильным, чтобы дерево затряслось. Линь Юньшэнь, держась за ветку, вдруг рассмеялся, словно нарочно пел для него. Видя, как Бай Инь краснеет и злится, он хлопал себя по бедру и смеялся, не только не слезая, но и напевая еще громче.

— Парень Мао, девица Мао,

— Служанка тоже Мао.

— Девушка из семьи Мао выходит замуж в семью Мао,

— Ночью переворачиваются, волосы к волосам!

Бай Инь хотел полезть на дерево, но, видимо, счел это недостойным поведения джентльмена, и в конце концов опустил рукава, стоя и глядя на Линь Юньшэня:

— Все говорят, что ты демон и колдун. Когда я приходил за тобой, я думал, что, хотя ты совершил много злодеяний, но, должно быть, выглядишь как величественный мастер. Кто бы мог подумать, что в реальности ты такой неотесанный и распущенный, что это позорит твою репутацию демона.

Линь Юньшэнь, глядя вниз, сказал:

— Почему ты называешь меня демоном и колдуном? Те мужчины, которых я ранил, были либо развратниками, осквернившими честь девушек, либо подлыми мужьями, издевающимися над женщинами. Мне было жаль этих женщин, поэтому я им помог. Что касается тех жен, которых я ранил, они были ревнивыми и жестокими, издевались над наложницами и детьми, и если бы я не вмешался, их семьи бы пострадали. Я отрубил им руки, чтобы они больше не могли бить, и отрезал языки, чтобы они не могли произносить злые слова. Те, кто из Сюаньмэня, охотятся на духов и демонов, но я уничтожаю зло среди людей. Разве добро и зло определяются только разницей между людьми и духами? Нет, некоторые люди страшнее и злее духов.

Бай Инь рассердился:

— Если они нарушили закон, их накажет государство. Ты же сам ранил людей и еще оправдываешься. Хорошо, что ты действовал под именем Даоса Цанцина, и они не знали, кто ты, иначе власти давно бы тебя схватили.

— Не буду с тобой спорить, ты слишком консервативен.

Бай Инь выдохнул и с безысходностью вздохнул:

— Завтра день рождения моего отца, в доме будет большой прием, он хочет тебя видеть.

Линь Юньшэнь тут же наклонился вниз, приняв серьезный вид:

— Господин Бай? Я думал, он не собирается меня видеть.

Примечание: из цикла песен «Сестрица родилась», №5.

<http://bllate.org/book/16677/1530315>